

Затем ливы и лэтты, отправив послов в Эстонию, предложили возобновить мир, ранее между ними заключенный.

И обрадовались эсты и послали с ними своих людей в Торейду; приглашен был епископ с братьями-рыцарями и старейшинами Риги, и сошлись они с послами эстов рассудить о справедливости и о причине стольких войн. После многих споров был наконец заключен на три года общий мир, но жители Саккалы до реки Палы оставлены были во власти епископа и тевтонов, чтобы они, уже дав заложников и обещание креститься, могли, по принятии крещения, в полной мере пользоваться правами христиан.

По заключении мира с эстами прекратилась и в Риге, и в Ливонии, и в Эстонии смертность среди людей, но не утихли войны, ибо некоторые вероломные ливы, бывшие еще кровожадными детьми церкви, терзая чрево матери, всячески искали способа обойти и хитростью захватить братьев-рыцарей, находящихся в Зиге-вальдэ, чтобы выбросить их из страны, а там уже с большей легкостью изгнать и дружину епископа с другими тевтонами.

Между тем король полоцкий, назначив день и место, послал епископу приглашение прибыть для свидания с ним у Герцикэ, чтобы дать ответ о ливах, бывших данниках короля; чтобы тут же совместно договориться о безопасном плавании купцов по Двине и, возобновив мир, тем легче противостоять литовцам.

Епископ, взяв с собой своих людей и короля Владимира, с братьями-рыцарями и старейшинами ливов и лэттов, отправился навстречу королю. С ним шли и купцы на своих кораблях, причем все надели доспехи, остерегаясь литовских засад по обоим берегам Двины.

Придя к королю, стали с ним обсуждать, что следовало по справедливости. Король же, пытаясь то лаской, то суровостью с угрозами убедить епископа, просил его отказаться от крещения ливов и утверждал, что в его власти либо крестить рабов его ливов, либо оставить некрещеными. Ибо русские короли, покоряя оружием какой-либо народ, обыкновенно заботятся не об обращении его в христианскую веру, а о покорности в смысле уплаты податей и денег. Но епископ счел, что больше надлежит повиноваться Богу, чем людям, больше Царю небесному, чем земному, как Бог и Сам велел в Своем Евангелии, сказав: "Идите, учите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа". Поэтому он твердо заявил, что и от начатого не отступит и делом проповеди, порученным ему верховным первосвященником, не может пренебречь.

Но против уплаты дани королю он не возражал, следуя сказанному Господом в Его Евангелии: "Отдайте кесарю кесарево, а Божье Богу", так как и сам епископ иногда платил за ливов королю эту дань, тогда как ливы, не желая служить двум господам, то есть русским и тевтонам, постоянно уговаривали епископа вовсе освободить их от ига русских. Король, не удовлетворенный этими справедливыми доводами, наконец, вышел из себя и, угрожая предать огню все замки Ливонии, а вместе и самую Ригу, велел своему войску выходить из замка, а затем, будто начиная войну с тевтонами, выстроил на поле весь свой народ со стрелками и двинулся на них. Тогда все люди епископа, с королем Владимиром и братьями-рыцарями, и купцы в своих доспехах смело выступили против короля. Когда сошлись те и другие, Иоанн, настоятель церкви Пресвятой Марии, и король Владимир с некоторыми другими, пройдя между двух войск, стали убеждать короля не тревожить войной молодую церковь, чтобы и его не тревожили тевтоны, все люди сильные в своем вооружении и полные желания сразиться с русскими. Смущенный их храбростью, король велел своему войску отойти, а сам прошел к епископу и говорил с ним почтительно, называя отцом духовным; точно так же и сам он принят был епископом, как сын. Они